

DOI: 10.31857/S0321507524100033

Внешняя политика стран Северной Африки и Африканского Рога в ракурсе современных международных отношений

© Ткаченко А.А.^{a,b}, Ткаченко К.А.^{a,c}, 2024

^a Институт Африки РАН, Москва, Россия

^b ORCID 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko@inafr.ru

^c ORCID 0000-0002-5307-8263; konst.workbox@gmail.com

Резюме. В статье рассматриваются особенности регионального вектора внешней политики группы стран Северной Африки и Африканского Рога, складывающиеся под влиянием как внутренних – социальных, экономических, политических, так и внешних факторов.

К числу последних следует отнести начавшийся в 2000-е гг. кризис глобализации – мегатренд в эволюции человеческой цивилизации, обозначивший ряд новых глобальных вызовов и угроз её существованию. Им противостоят сложившееся единое и вместе с тем сложносоставное цивилизационное пространство – человеческая цивилизация, включающее единое мировое информационное пространство, раскрывающее невиданные доселе возможности использования во благо человечества достижения научно-технического прогресса, применения бескрайнего, постоянно расширяющегося человеческого потенциала, цифровизации, интернет-экономики.

При этом не только сохраняются многие старые, но и возникают новые, более сложные и трудноразрешимые проблемы, как внутренние, так и международного плана. Эти проблемы требуют своего решения, усилия на данном направлении становятся частью внешней политики государств региона.

Ключевые слова: Северная Африка, Африканский Рог, глобализация, ислам, христианство, конфликты, ООН, САМ, ЛАГ, ИГАД

Для цитирования: Ткаченко А.А., Ткаченко К.А. Внешняя политика стран Северной Африки и Африканского Рога в ракурсе современных международных отношений. *Азия и Африка сегодня*. 2024. № 10. С. 25–32. DOI: 10.31857/S0321507524100033

Foreign Policy of North African and African Horn States in Contemporary World International Relations

© Alexander A. Tkachenko^{a,b}, Konstantin A. Tkachenko^{a,c}, 2024

^a Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

^b ORCID 0000-0003-4121-4665; alexander.tkachenko@inafr.ru

^c ORCID 0000-0002-5307-8263; konst.workbox@gmail.com

Abstract. The article includes analysis of regional vector of foreign policy of North Africa and African Horn States over 21st century in connection with the world mega-trends of development of the human civilization such as globalisation processes, forming united World, including united information space, permanent scientific-technical revolution, more active role of young people and women in economy, social renovating as well as in reforming political life, etc.

On the whole, for the past 5 decades the shifts in economic development, in social sphere and results of political reforms have been limited (but anyone could say that this is just the beginning). This article is devoted to the analysis of the main factors of various nature influencing the regional vector of the foreign policy of the North African and African Horn countries.

The results obtained through several steps that have been made on the way of modernization had influenced foreign policy but not terminated some conflicts – the more serious and more painful problem. The historical gap between two epochs, namely colonial and postcolonial, gave birth to some obstacles, which are difficult or even impossible to overcome during short or medium perspective bearing in mind the strong external dependency of the countries of North Africa and the Horn of Africa. The latter could not disappear instantly. This is the problem for the whole epoch that is full of contradictions and controversial trends.

Keyworlds: North Africa, African Horn, Islam, Christianity, human civilization, UN, LAS, IGAD

For citation: Tkachenko A.A., Tkachenko K.A. Foreign Policy of North African and African Horn States in Contemporary World International Relations. *Asia and Africa today*. 2024. № 10. Pp. 25–32. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524100033

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика стран региона Северной Африки и Африканского Рога формируется под влиянием двух групп факторов. Первая включает страновые особенности – исторические, социально-экономические, этноконфессиональные, природно-географические, которые в отдельных существенных аспектах пересекаются между собой. Именно они оказывают исключительное влияние, являются как бы национальным «фильтром», через который проходят основные решения, принимаемые в странах региона, относительно проводимого или намечаемого курса по ключевым вопросам внешней политики. Вторая группа включает те факторы, которые имеют общий характер для совокупности указанных государств региона. Они в основном окрашены в глобальные тона.

Под влиянием глобальных тектонических сдвигов – крутого изменения всей архитектуры международных отношений, произошедшего в последние два десятилетия, кризисных явлений в процессах глобализации – прежние векторы внешней политики рассматриваемых государств претерпевают заметные перемены, по сути, складываются новые векторы на отдельных направлениях их внешней политики.

В продолжение тезиса о двух группах факторов следует сказать: появились и развиваются современные отрасли экономики, опирающиеся на инновационные виды производств, достижения научно-технического прогресса, промышленную революцию четвертого поколения, цифровизацию; резко возросли миграционные потоки. Все они влияют на положение государств Северной и Северо-Восточной Африки на международной арене, на их роль в международных отношениях.

Среди определяющих факторов особо следует отметить возросшую динамику цивилизационных процессов. Нередко возникают ситуации, когда в тех или иных государствах и в силу сложности возникших проблем, и вследствие недостаточного опыта, а также иных причин власти предрасположены не успевают или не желают адекватно реагировать на новейшие проблемы, возникающие в международной обстановке в условиях скоротечности событий. Вследствие этого возникают новые, более сложные (разноформатные) и трудноразрешимые проблемы международного плана – гибридные конфликты, включая гибридные войны и т.п.

К примеру, отстает профилактика разноформатных, в особенности межэтнических, конфликтов. Именно они во многом определяют внутри- и внешнеполитический курс стран региона, особенно полиэтнических. Яркие примеры тому:

- вспыхнувший на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. конфликт вокруг Тыграя – мятежной провинции Эфиопии;
- продолжительное вооруженное противостояние между севером Судана и отделившимся югом, образовавшим новое государство – Республику Южный Судан;
- такая оценка относится также к конфликтам в суданском Дарфуре, да и в других районах северного Судана;
- не является исключением и гражданская война в Ливии [1].

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ

Нередко возникающий разрыв между двумя эпохами – колониальной и постколониальной – крайне затруднял и затрудняет поныне или даже блокирует на длительный период выработку устойчивого самостоятельного курса, как внешнеполитического, так и тесно связанного с ним внутривнутриполитического. Это следствие сохраняющейся многоаспектной внешней зависимости, которая не может одномоментно исчезнуть при обретении политической независимости, но уже в условиях политической самостоятельности.

При оценке прогресса, достигнутого в постколониальный период, встает вопрос, сохранились ли роль и значение стран региона как периферии мировой цивилизации, периферии в смысле второстепенного влияния на разрешение актуальных международных проблем? Их положение и влияние на решения, принимаемые в ООН, как и значение региональных и межрегиональных организаций САМ, ЛАГ, ИГАД, БРИКС+ в современных международных отношениях, свидетельствуют о наличии противоречивых трендов: в ряде аспектов – о возвышении, в ряде других – о неустойчивости или даже снижении.

Велико ли участие стран региона в современном миростроении, и каково оно в таких ключевых областях, как преодоление конфликтов, соучастие в интеграционных процессах, как партнеров в деловом, торгово-экономическом сотрудничестве, в консолидации мирового сообщества для противостояния вызовам XXI века?

Ответы на эти и близкие к ним вопросы связаны с оценкой ключевых показателей экономического развития в последние 2–3 десятилетия, состояния социальной сферы, результатов реформ на политическом поле. В какой-то мере из-за этого подвижки в социально-экономическом и политическом развитии последних двух десятилетий не поддаются однозначной оценке [2].

В целом экономический рост носит умеренный характер. Основной позитив отмечается в начавшемся формировании современных отраслей экономики, в попытках обеспечить подходы, переход к инновационной экономике, к цифровизации, развитию собственного научно-технического потенциала.

Динамика ряда макроэкономических показателей, представленных в табл. 1, показывает масштабы происходящих изменений. Существенно выросли объемы ВВП, в отдельных странах наблюдается прогрессивные подвижки в отраслевой структуре национальных экономик. Однако при этом отмечается падение доли промышленности в ряде стран, и говорить о переломе в преодолении экономической слабости пока преждевременно. Заметны значительные перепады в объемах ВВП в отдельных странах, которые связаны либо со скачками мировых цен на нефть и газ (Алжир, Ливия), либо с гражданскими войнами и эрозией государственности (Судан, Ливия).

Таблица 1. Объем производства и доля в ВВП основных отраслей в отдельных странах
Северной Африки и Африканского Рога в 2010–2020 гг.
Table 1. Production volume and share in GDP in the main economic branches
in North Africa and African Horn countries (2010–2020)

Страна	ВВП*, \$ млрд		Доля в ВВП сель- ского хозяйства, %		Доля в ВВП промышленности (в т.ч. обрабатывающей), %		Доля в ВВП сферы услуг, %	
	2010	2020	2010	2020	2010	2020	2010	2020
Алжир	161,2	145	8,5	14,1	40,9 (19,0)	30,3 (18,8)	39,2	48,7
Египет	219,0	365,3	13,3	11,6	35,8 (16,1)	32,0 (16,4)	46,2	51,8
Ливия	74,8	25,4	1,8	...	77,5 (...)	4,5 (...)	...	...
Марокко	93,2	114,7	12,9	11,7	25,7(15,6)	26,1 (15,3)	51,0	50,8
Тунис	46,2	41,6	6,8	10,1	29,5(15,7)	21,7 (13,5)	55,9	61
Судан	59,0	21,3	31,9	20,4	21,1(5,1)	23,3 (...)	30,8	36,3
Мавритания	5,6	7,9	16,7	20,2	38,2(6,7)	28,8(6,1)	39,9	42,5
Сомали***	5,3	8,1	...	...	...	...	...	...
Эфиопия	117,6	324,5	38,2	34,8	13,6	21,6**	34,5	45,6**
Джибути***	2,4	3,5	1,1	1,7	2,7 (...)	4,4 (...)	80,3	77,3

Примечания: * По официальному курсу; **2017 г.; ***ВВП в 2015 и 2022 гг. соответственно.

Источники: World Bank. World Development Indicators. 2023. NY. UN. Econoy. 4.2: The World Factbook. Algeria, Djibuti, Egypt, Ethiopia, Libya, Mauritania, Morocco, Sudan, Somalia, Tunis. 2022. [cia.gov/the_world_factbook/](https://www.cia.gov/the-world-factbook/) (accessed 24.09.2023); World Bank. Global Economic Prospects – January 2023. Middle East and North Africa. Pp. 75–82. <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/254aba87-dfeb-5b5c-b00a-727d04ade275/content> (accessed 07.08.2023)

Это не может не влиять на внутри- и внешнеполитический курс этих стран. В Алжире усилилось стремление шире привлечь страны – члены Евросоюза, прежде всего Францию, к экономическому сотрудничеству. Правда, при этом не меняя жесткий авторитарно-тоталитарный социально-политический курс/облик государства.

В Ливии 2 центра власти, сложившихся после падения режима М.Каддафи, сталкиваются с глубоким экономическим и политическим кризисом, что побуждает политиков как в Триполи, так и в Киренаике маневрировать в отношениях с внешними международными ключевыми игроками и полностью или в основном отказаться от поддержки прежних союзников в районе африканского Сахеля и собственного «африканского курса», который Ливия проводила в течение десятилетий, претендуя на роль лидера на континенте. Заметно поубавились и даже сошли на нет общеконтинентальные амбиции.

В социальной сфере в ряде стран региона, прежде всего в Египте, Тунисе, Марокко, Эфиопии, на постоянной основе реализуются программы смягчения безработицы, создания элементов современной системы социального обеспечения, подключения к решению отдельных социальных проблем имеющихся возможностей международного сотрудничества, в т.ч. в отраслях с трудоинтенсивными технологиями производства, способствующих созданию новых рабочих мест. Это приносит, пусть и ограниченные, положительные результаты [3].

Но перемены в социальной сфере не коснулись Ливии, Эритреи, Судана, где происходит деградация и без того хрупкой и сильно отстающей от современных требований системы социального обеспечения. Рабат и Каир придерживаются сложившегося курса сотрудничества «по всем азимутам», включая страны – члены БРИКС+, а также поддерживают связи с Западом.

Эфиопия, интенсивно расширяя связи в хозяйственной сфере с Китаем, привлекает крупные инвестиции в проекты, предлагаемые КНР и оцениваемые миллиардами долларов. Главным образом средства направляются в инфраструктурные отрасли – строительство дорог, электроэнергетику, тем самым создается основа для дальнейшей экономической экспансии в различные отрасли, в т.ч. имеющие жизненно важное значение для страны – сельскохозяйственное производство, водное хозяйство, разведку и добычу твердых полезных ископаемых, газа и нефти. К тому же их экспорт укрепит платежеспособность Эфиопии с учетом резко возросшей в последние десятилетия накопленной долговой проблемы, главным образом в отношениях с Китаем [4].

Такая схема китайского трека характерна и для других рассматриваемых стран. Причем её дополняет взаимодействие в военно-политической области, основной компонентой которой является расширение военного присутствия, размещение военных баз. Один из частных примеров тому – формирование базы в Джибути, которая призвана укрепить китайскую нишу в регионе и одновременно включиться в борьбу с международными террористическими организациями, угрожающими стабильности и развитию региона, сопредельных с ним районов Африки, Ближнего Востока. Впрочем, и здесь со временем обнаруживаются свои «красные линии»: уже в 2024 г. США получили отказ в использовании территории одного из государств, расположенных в данном регионе, для нанесения ударов по йеменским хуситам.

Таблица 2. Динамика показателей распределения самодельного населения, занятого в различных отраслях экономики стран Северной Африки и Африканского Рога в 2015 и 2020 гг.

Table 2. Quantity and share of the population engaged in different economic branches in North Africa and Middle East countries (in 2015 and 2020)

Страна	Численность занятых в экономике, млн	Доля занятых в промышленности, %		Доля занятых в сельском хозяйстве, %		Доля занятых в сфере услуг, %	
		2015 г.	2020 г.	2015 г.	2020 г.	2015 г.	2020 г.
Алжир	10,9	30,9	32,3	11,8	10,8	55,9	57,5
Египет	24,1	30,0	31,9	22,2	20,5	47,8	47,6
Марокко	9,4	25,5	26,1	30,1	27,4	44,5	46,5
Ливия	1,1	25,6	27,9	19,1	16,6	55,2	55,4
Тунис	4,0	33,0	33,7	16,4	15,3	50,5	50,9
Судан	11,9	21,4	21,1	35,9	33,6	42,7	45,3
Эфиопия*	31	4,5	4,7	65,5	65,4	30	28,9

* Оценка.

Источники: The World Factbook. Algeria, Egypt...; World Bank. World Development Indicators. 2023. Employment by Sectors. <https://wdi.worldbank.org/table/2.3> (accessed 24.09.2023)

Заметно расширяются торгово-экономические, а за ними и военно-политические связи Судана, Ливии, некоторых государств Африканского Рога с Турцией [5]. Похоже, КНР не прочь вернуться в Ливию, в которой до падения режима М.Каддафи Пекин наращивал участие в реализации ряда крупных экономических проектов, но вынужден был поспешно эвакуировать многочисленный корпус своих специалистов из-за возникшей угрозы вследствие вспыхнувших боевых действий в этой стране.

Показатели, содержащиеся в *табл. 2* в основном подтверждают приведенные выше оценки масштабов и характера социально-экономических изменений.

РОЛЬ НОВОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Социальная структура рассматриваемых государств Северной Африки и Африканского Рога, динамика показателей, представленных в *табл. 3–5*, свидетельствуют о том, что частный средний и крупный бизнес постепенно начинает занимать значительные позиции в их экономике. Даже в условиях сохранения авторитарной модели власти вынуждены считаться с интересами бизнес-сообщества, в целом частного сектора (заметно выросшего численно в последние десятилетия) при проведении внутри- и внешнеполитического курса, учитывая рост масштабов и влияния в стране частнопредпринимательской деятельности и, соответственно, влияния тех социальных слоев, социально-политических сил, которые выражают его интересы.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА В НАЧАЛЕ ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI в.

Таблица 3. Социальная структура некоторых стран Северной Африки, Африканского Рога, Ближнего Востока в начале третьего десятилетия XXI в.

Table 3. Social strata of North Africa, African Horn and Near East countries
at the beginning of the 3th decade of the 21st century

Страна	Число занятых в экономике, млн	Безработные*, %	Крупный, средний и малый бизнес**, %	Владельцы мастерских, хозяйств, не использующих наемный труд, %	Наемные работники, %	Доля населения с самыми низкими доходами***, %	Численность мигрантов, работающих за рубежом, млн, 2015 г.
Алжир	10,9	13,6 (39,3)	7	30	63	0,4	1,8
Египет	24,1	12,7 (19,2)	15	35	50	6,5	3,3
Марокко	9,4	9,2 (22,2)	10	40	50	0,9	2,8
Тунис	4,0	15,5 (34,9)	25	35	40	0,2	0,7
Судан	11,9	19,6 (32,6)	15	45	40	2,2	1,9
Ливия	1,1	30,0 (48,7)	...	...	...	—	...
Эфиопия	31	...	...	...	...		2,1

* В скобках указан процент безработных среди самой многочисленной возрастной группы самодостаточного населения – молодежи в возрасте 15–24 лет.

** Составлено на основе оценки численности крупных, средних и малых предприятий, сельскохозяйственных ферм, объектов торговли, образовательных, медицинских и других видов услуг.

*** Доход в день менее \$1,9.

Источники: World Bank. World Development Indicators. 2023. <https://wdi.worldbank.org/table/4.2> (accessed 16.08.2023); International poverty lines. Population below \$1.9 a day 1992–2021: International Labour Organization. ILOSTAT. Data Country Profiles. Resources. Statistics on unemployment and supplementary measures of labour underutilization. <https://ilostat.ilo.org/topics/unemployment-and-labour-underutilization/#> (accessed 17.09.2023); World Bank. 2023. World Development Indicators: Global Goals: ending poverty and improving lives. <https://wdi.worldbank.org/table/WV.2> (accessed 20.09.2023); World Migration Report 2023. <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2023>: (accessed 14.09.2023)

Наиболее весомые позиции по объему ВВП и ВВПД принадлежат Египту, Алжиру и Эфиопии – трем региональным лидерам, которые играют разностороннюю роль в региональных и (шире) межре-

гиональных, глобальных международных отношениях, о чем свидетельствуют показатели, содержащиеся в табл. 4.

Таблица 4. Рейтинг стран Северной Африки и Африканского Рога
(по объему ВВП и ВВП на душу населения в 2020–2023 гг.), %
Table 4. Ranking North Africa and African Horn countries
(by volume of GDP and by GDP per capita in 2020–2023), %

Страна	Объем ВВП (по ППС), \$ млрд	Рейтинг по объему ВВП	ВВП на душу населения (по ППС), \$ тыс.	Рейтинг по объему ВВП на душу населения
Алжир	468,4	42	15,0	109
Джибути	5,4	174	3,4	185
Египет	1223	20	12,6	124
Ливия	70,6	101	9,6	141
Мавритания	23,2	147	4,5	173
Марокко	259,4	60	8,6	147
Судан	176,4	71	4,3	174
Тунис	115,0	82	11,9	131
Эфиопия	324,5	45	1,1	185
Сомали	8,1	159	0,47	206
Эритрея	3,5	193	0,61	200

* 2023 г.

Составлено по: The World Bank. Gross National Income per Capita 2019. <https://gtmarket.ru/ratings/rating-countries-gni/rating-countries-gni-info> (accessed 01.07.2022)

The World Factbook 2021. Algeria, Egypt... (accessed 01.07.2022)

Таблица 5. Динамика ВВП в отдельных странах Северной Африки и Африканского Рога
в 2000–2020 гг., %

Table 5. Growth of GDP in North Africa and African Horn countries in 2000–2020, %

Страна	Среднегодовые темпы роста ВВП, %	
	2000–2010 гг.	2010–2020 гг.
Алжир	3,9	2,3
Египет	5,1	3,8
Марокко	4,9	2,9
Ливия	5,5	-1,5
Судан	4,9	-0,7
Тунис	4,5	1,3
Джибути	...	2,5
Сомали	...	...
Эфиопия	12,3	10,2
Ближний Восток и Северная Африка	4,6	2,4

* По ППС; ** – среднегодовые.

Источник: World Bank. World Development Indicators 2023...; World Bank. Global Economic Prospects. January 2023. Middle East and North Africa. Pp. 75–82. <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/254aba87-dfeb-5b5c-b00a-727d04ade275/content> (accessed 12.10.2023)

Показатели доли расходов на здравоохранение, прежде всего на санитарную, средней продолжительности жизни в рассматриваемых странах в известной мере суммируют, отражают степень цивилизационного прогресса, прежде всего экономического развития, роста ДВВП, диверсификации националь-

ных экономик, начавшегося или наметившегося перехода к более современным и инновационным технологиям. Во многих странах растущее число обеспеченных жителей из самых различных социальных слоев и групп могут себе позволить поднять долю расходов на социальные нужды – на образование, медицину и т.д., следствием чего является заметное увеличение средней продолжительности жизни. На это указывают данные *табл. 6*.

Таблица 6. Доля расходов на здравоохранение и средняя продолжительность жизни в отдельных странах Северной Африки и Африканского Рога в 2019 г.

Table 6. Health spending as percent of GDP, country rankings, life expectancy at birth rankings (2019)

Страна	Рейтинг стран по уровню расходов на здравоохранение 2019 г.*	Доля в ВВП расходов на здравоохранение в 2019 г., %	Средняя продолжительность жизни, 2019 г. Рейтинг	Средняя продолжительность жизни, кол-во лет, 2019 г.
Алжир	91	6,24	63	70,88
Египет	126	4,74	116	71,99
Ливия	...	...	109	72,91
Мавритания	164	3,30	204	65,22
Марокко	114	5,31	68	76,68
Судан	130	4,57	193	67,12
Тунис	74	6,96	66	76,70
Джибути	180	1,80	146	67,11
Эфиопия	161***	3,48***	141**	68,00**
Эритрея	146***	4,09***	156**	64,00**
Регион БВСА	—	5,26	—	72,5**

* Данные за 2019 г. по 181 стране мира. Средний показатель доли расходов на здравоохранение по всем странам равнялся 6,52. Средняя продолжительность жизни по 190 странам (2019 г.) составила 72,86 лет.

** Оценка.

*** Данные за 2020 г.

Источник: Health spending as percent of GDP – Country rankings. https://theglobaleconomy.com/rankigs/Health_spending-as-percent_of_GDP/ (accessed 04.08.2022); The World Factbook. 2023. Algeria, Egypt...: Population Prospects. Tunisia. https://countrymeters.info/ru/Tunisia#age_structure (accessed 23.07.2022); UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. Morocco. <https://countrymeters.info/ru/Morocco/> (accessed 18.08.2022). <http://www.hyno.ru/tom4/1140.html> (accessed 15.09.2022); UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. Algeria. <https://countrymeters.info/ru/Algeria/> (accessed 18.08.2022); UN. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. The 2022 Revision of World Population Prospects. Egypt. <https://countrymeters.info/ru/Egypt/> (accessed 12.09.2022)

ВЛИЯНИЕ МАСШТАБОВ И ХАРАКТЕРА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Политические реформы, одна из главных задач которых состоит в укоренение институтов и политических структур, более полно отражающих предпочтения широких слоев населения, лишь декларируются или реализуются частично, в ограниченных масштабах. В основном сохраняется авторитарная модель власти. Нередко, по мере утраты с ходом времени своего и без того ограниченного креативного потенциала, она в отдельных странах может обретать всё более репрессивный характер.

К странам с переходным характером модели политической власти (сочетание черт авторитарной власти и формирующимися, но еще не укоренившимися институтами гражданского общества) из государств рассматриваемого региона можно отнести лишь Тунис и с некоторыми оговорками Эфиопию, Марокко, Египет.

К числу государств с явно выраженной жесткой авторитарной властью можно отнести Эритрею.

В Алжире, Египте (с отдельными сильными элементами гражданского общества), Ливии, Джибути укоренились исторически сложившиеся институты авторитарной власти с отдельными элементами квазидемократии. К тому же в Ливии процесс государственного устройства после распада прежней жесткой авторитарной модели, существовавшей при Каддафи, так пока и не сложился; в стране наблюдает-

ся множественность центров власти, соответственно, множественность векторов во внешнеполитической деятельности. Граничит ли сложившаяся картина с политической анархией? Однозначно на этот вопрос вряд ли можно ответить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всё это отражается на векторах политики североафриканских государств в международных отношениях. Они сложились в начале 1960-х гг. и характеризуются стремлением балансировать между различными мировыми центрами с целью обеспечить приток внешних ресурсов, в т.ч. донорских, из промышленно развитых государств, главным образом в виде финансовых вливаний и технологий, в форме реализации экономических, социальных, международных интеграционных проектов: ассоциация с ЕС, членство в ВТО, сотрудничество в рамках новой версии Шелкового пути, пока не вполне сложившейся формулы «окна в Африку» и т.д.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Васильев А.М., Кукушкин В.Ю., Исаев Л.М., Ткаченко А.А., Жерлицына Н.А. Ситуация в Ливии и интересы России. *Азия и Африка сегодня*. 2020. № 6. С. 4–13. DOI: 10.31857/S032150750009872-1
Vasilyev A.M., Kukushkin V.Yu., Isaev L.M., Tkachenko A.A., Zherlitsina N.A. 2020. Situation in Libya Today and Interests of Russia. *Asia and Africa today*. № 6. Pp. 4–13. (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750009872-1
2. Костелянец С.В. Бессмысленная война в Судане. Типология, причины, последствия. *Международная конференция африканистов. Новый миропорядок: от наследия колониализма к суверенитету и развитию*. Москва, 23–25 мая 2024. Тезисы. С. 169–170.
Kostelyanets S.V. 2024. Absurd War in Sudan: Typology, Causes, Consequences. *16th International Conference of Africanists. The New World Order: from the Legacy of Colonialism to the Sovereignty and Development. Theses*. 23–25 May. Moscow. Pp. 169–170.
3. World Bank. World Development Indicators. 2023. NY. UN. Economy. 4.2; The World Factbook. Algeria, Ethiopia, Libya, Morocco, Sudan, Somalia, Tunis. 2022. [cia.gov/the_world_factbook/](https://www.cia.gov/the_world_factbook/) (accessed 24.09.2023); World Bank. Global Economic Prospects. January 2023. Middle East and North Africa. Pp. 75–82. <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/254aba87-dfeb-5b5c-b00a-727d04ade275/content>; Muldering M.C. (2013). An uncertain future: Youth frustration and the Arab Spring. *The Pardee Papers*. № 16, Boston University.
4. International Labour Organization, Key Indicators of the Labour Market. 27; Handoussa H., Tzannatos Z. Employment Creation and Social Protection in the Middle East and North Africa: The Third Mediterranean Development Forum. Cairo: American University in Cairo Press, 2002. P. 247.
5. Ломова А.А. Перспективы развития китайско-африканских отношений (по материалам Шестого форума сотрудничества «Китай–Африка»). <https://cyberleninka.ru/article/perspectivy-razvitiya-kitaisko-afrikanских-otnosheniy-po-materialam-smi> (accessed 20.11.2023)
Lomova A.A. Perspectives of Development of Chinese-African Collaboration (by the papers of 6th Forum “China–Africa”). <https://cyberleninka.ru/article/perspectivy-razvitiya-kitaisko-afrikanских-otnosheniy-po-materialam-smi> (accessed 20.11.2023)
6. Субботин И. США и Турция усиливают военное присутствие в Сомали. *НГ*. 22.02.2024.
Subbotin I. The USA and Türkiye Intensify their Presence in Somalia. *Nezavisimaya Gazeta*. 22.02.2024. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ткаченко Александр Алексеевич, кандидат экономических наук, заведующий Центром изучения стран Северной Африки и Африканского Рога, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Alexander A. Tkachenko, PhD (Economics), Head, Center for North Africa and African Horn Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ткаченко Константин Александрович, кандидат экономических наук, научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, Москва, Россия.

Konstantin A. Tkachenko, PhD (Economics), Researcher, Center for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 16.05.2024

Доработана после рецензирования
(Revised) 20.08.2024

Принята к публикации
(Accepted) 06.09.2024